

В. В. Малащенко, И. Д. Коццев

**Г. ГЕССЕ. «КУРОРТНИК»:
ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ**

Анализируется жанровая парадигма повести Г. Гессе «Курортник». Поэтика произведения исследуется сквозь призму авангардной повествовательной техники писателя, в том числе автобиографического нарратора, дифференцированного в тексте на субъекта-наблюдателя (повествующее «я») и объект наблюдения (повествуемое «я»).

This article analyzes the genre paradigm of Hesse's Kurgast in the framework of the writer's avant-garde technique of narration, including the autobiographical narrator, who is differentiated in the text into the observing agent (narrating I) and the observed object (narrated I).

Ключевые слова: Гессе, жанр, эссе, игра, автор, наррация.

Key words: Hesse, genre, essay, game, author, narration.

Наилучший в мире читатель наилучшего в мире автора — тот, кому вполне по вкусу придется юмористическое сочинение о себе самом.

Жан Поль

«Нет, моя грусть, чувство пустоты и боль вызваны этими заметками, этой попыткой возможно более правдиво и честно раскрыть крохотный кусочек жизни. Я стыжусь и меня огорчают, надо сказать прямо, не мои грехи и пороки, а исключительно неудача, постигшая мой языковой эксперимент, весьма малый результат моих литературных усилий» [1,

с. 187], — так в финальной главе рассуждает Герман Гессе о повести «Курортник» (издана в 1924–1925 гг.), подчеркивая ее несуразность и «явную» незавершенность. А в главе «Уныние» писатель самокритично определяет собственное отношение к произведению и его жанр как «глупые зарисовки / наброски» («albernen Aufzeichnungen») [2, S. 47]. Однако, с другой стороны, в эссе «Баденские заметки» (1950) Гессе отзывается о повести совершенно иначе: «...до самой лишенной всяческих иллюзий старческой горечи я почитал [ее] одной из лучших своих книг и вспоминал о ней всегда с неизменной любовью» [3, с. 285]. Видимое противоречие двух авторских мнений во многом объясняется и снимается, во-первых, временной дистанцией — Гессе был недоволен «Курортником» в период написания повести, а впоследствии стал оценивать ее совсем иначе, во-вторых, попыткой, как оказалось весьма успешной, экспериментального соединения совершенно разнородных повествовательных дискурсов и дифференциации авторского «я» в художественном мире произведения. Гессе в «Курортнике», как до этого, например, в новелле «Последнее лето Клигзора», моделирует художественный текст, экспериментирует с художественными формами, обращаясь к литературной, интеллектуальной игре.

Обратимся к концу 1910-х гг., когда писатель начинает, а в 1920-е гг. продолжает поиск авангардных художественных форм для адекватного воплощения нового художественного содержания своих произведений. Этот поиск воплощается им и в автобиографической прозе. В указанный период Гессе создает автобиографический очерк «Детство волшебника», фикциональную, «конъектуральную» автобиографию «Краткое жизнеописание», автобиографические, по определению писателя, повести «Путешествие в Нюрнберг» и «Курортник».

Наиболее новаторской из данного ряда является повесть «Курортник. Заметки о моем лечении в Бадене» с ее необычной жанровой природой, «музыкальным» лейтмотивным развертыванием темы, «разорванной» композицией, «рыхлым» сюжетом, своеобразной нарративной стратегией произведения и идейным содержанием.

«Курортник» явно «выбивается» из общей дидактико-философской направленности прозы Гессе, поскольку представляет собой синтез наблюдений, рассуждений автора, в том числе остросатирических, над окружающей действительностью и творческим процессом, сплав литературной игры, юмора, едкой иронии и тонкой самоиронии. Чего стоит, например, описание только одного первого впечатления героя-курортника от знакомства с молодой красивой дамой — впечатления, которое будет разрушено уже в самое ближайшее время, поскольку однажды вечером дама села за рояль и «совершила убийство! Такая милая, приятная, даже красивая дама, женщина, которая, уж конечно, в моем присутствии никогда бы не ударила ребенка и не стала мучить животное, усевшись за рояль, с ясным челом и невинными глазами, в моем присутствии неумелыми, но сильными руками изнасиловала и прикончила прелестнейший менуэт восемнадцатого века!» [1, с. 150].

«Курортник» — это автобиографические заметки, записки, зарисовки, наблюдения писателя с доминантой исповедального начала, про-

странными авторскими отступлениями на различные темы и практически полным отказом от художественного вымысла. В жанровом отношении произведение не поддается однозначной трактовке, так как гармонирует в своем целом черты эссе, психологической, философской прозы и «трактата» по поэтике.

Моралист Гессе создает свое самое юмористическое произведение, в качестве главного сатирического, юмористически-иронического объекта выбирая себя самого. Это, однако, не помешало писателю высказать свои сокровенные мысли по поводу вечного конфликта между идеалом и действительностью, царством духа и миром филистеров и, что более значимо, по поводу невозможности существования одного без другого в контексте идеи биполярности бытия.

Гессе, прекрасно владеющий психоаналитическими техниками, детально анализирует «курортную» психологию изнутри, и ему есть на что опереться, поскольку сам он страдал ишиасом, ревматизмом, неврозом и неоднократно проходил курсы лечения в Бадене. В качестве своеобразной точки отсчета писатель опирается на роман Жан Поля «Путешествие на воды доктора Катценбергера» (1809), о чем прямо говорит в предисловии. Одновременно с «Курортником» выходит в свет роман Т. Манна «Волшебная гора», что лишний раз подтверждает тезис о близости мировоззрений этих двух крупных немецких писателей. С. Аверинцев подчеркивает, что «реалии санаторного быта — отнюдь не единственное, что соединяет ее (книгу «Курортник». — В. М., И. К.) с творчеством Томаса Манна; куда важнее намеренно охлажденная “температура” интонации, сдержанный тон, иронический взгляд на себя самого, чуждый раннему Гессе» [4, с. 20].

Жанровый эксперимент воплотился как в новой повествовательной стратегии писателя, так и в постоянной динамике точки зрения нарратора. Главное в этой повести — не потеряться в триаде, имя у которой одно — Гессе: писатель-автор Герман Гессе, писатель-курортник Гессе, герой писатель-курортник Гессе. Но что еще более важно для читателя, так это крайне внимательно следить за постепенным развитием-развертыванием иронично-серьезной авторской мысли, поскольку именно ее Гессе мастерски материализует в тексте произведения, максимально используя «принцип волны», технику откатных и перекатных впечатлений.

Повествование в книге ведется от лица автобиографического нарратора, который присутствует как в экзегесисе (само повествование, повествовательный акт), так и в диегесисе (повествуемый, художественный мир произведения). Гессе моделирует необычное взаимодействие субъекта-наблюдателя, *повествующего «я»* (больной писатель-курортник Гессе), и объекта наблюдения, *повествуемого «я»* (больной герой-курортник Гессе). Как отмечают Жаклин и Мишель Сенэс, «Гессе-поэт смеется над Гессе-курортником» [5, с. 219]. Однако автор, смеясь над героем-Гессе, предоставляет ему, а значит, и себе, писателю-курортнику Гессе, возможность метаморфозы, победы над болезнью. Именно тогда

«я», искусственно дифференцированное автором на два, вновь обретает целостность (глава «Выздоровление»), поскольку объект наблюдения, больной герой-курортник Гессе, «наконец умер», а «вместо него появился совсем новый Гессе, правда, тоже человек с ишиасом, но этот ишиас его принадлежность, а не он принадлежность ишиаса» [1, с. 183].

Подчеркнем еще одну важную особенность «языкового эксперимента» в «Курортнике». На протяжении всего произведения писатель часто «разрывает» ткань наррации прямыми авторскими высказываниями, не принадлежащими субъекту-наблюдателю, *повествующему «я»*, о писательском труде, процессе творчества и т.д. Вот несколько наиболее ярких и показательных примеров: «Долго увиливал я от написания этой главы. Но ничего не поделаешь» [1, с. 132]; «Ведь пишу я свои заметки из Бадена не затем, чтобы кого-либо упрекать или себя выгораживать, а чтобы запечатлеть наблюдения, пусть даже нелепо преломленные наблюдения психопата» [1, с. 135]; «Читатель, возможно, посмеется, но для нас, пишущих, писание самое азартное, волнующее приключение — плаванье на утлой лодке по бурному морю, одинокий полет сквозь вселенную» [1, с. 137]; «...давно отказался от фикции, буд-то моя Psychologia balnearia повествует о чьей-то посторонней, а не моей собственной психике» [1, с. 160]; «Но ничего не поделаешь. Вернемся же к курортнику Гессе» [1, с. 163]; «Эту последнюю страницу я пишу уже не в Бадене» [1, с. 183].

В подобных случаях мы сталкиваемся с явным примером того, что Ж. Женетт называет «нарративный металеписис» [6]. Его особенностью является очевидное, сознательное проникновение нарратора в диегесис, намеренное нарушение границы между экзегесисом и диегесисом. В поэтике «Курортника» мы имеем дело с особой повествовательной техникой Гессе — умышленным обнажением авторского приема, «мастер-классом», игрой с читателем. Максимальной открытости этот прием достигает в главе «Выздоровление»: «Я вдруг увидел себя со стороны, сделался вдруг не только курортником... а одновременно как бы сторонним наблюдателем самого себя...»; «Я внезапно расщепился надвое»; «Я уселся в высоком светлом зале за свой отдельный круглый столик и в то же время наблюдал со стороны, как я сажусь, как поправляю под собой стул и чуть закусываю губу»; «Курортник Гессе был главным объектом моего наблюдающего “я”» [1, с. 166–167]¹.

Жанр эссе, записок, наблюдений в повести «Курортник» предоставляет великолепную возможность автору Гессе создать особое диалогическое пространство повествования для синтеза авторских отступлений, комментариев с постепенным развитием основных тем в их взаимном противоречии и гармоническом единстве. Примеры такого синтеза уже имели место в эпоху эйдетической поэтики в творчестве Апулея, Данте, Боккаччо, Рабле, Сервантеса, Филдинга, но наиболее ярко проявились в поэтике художественной модальности в произведениях

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — В. М., И. К.

Стерна, Вакенродера, Новалиса, Жан Поля, Т. Манна, Музиля, Фриша и других авторов. В свое время еще Лоренс Стерн в XXII главе первого тома «Жизни и мнений Тристрама Шенди, джентльмена» пространно рассуждал о писательском мастерстве и пользе авторских отступлений, подобных «солнечному свету» [7, с. 69]. Стерн убеждал читателя в сложности задач, стоящих перед тем автором, который решит включить в структуру своего романа отступления, так как «все искусство в том, чтобы умело их состряпать и подать так, чтобы они служили к выгоде не только читателя, но и писателя, беспомощность которого в этом предмете поистине достойна жалости: ведь стоит ему только начать отступление — и мгновенно все его произведение останавливается как вкопанное, а когда он двинется вперед с главной своей темой, тогда конец всем его отступлениям» [7, с. 69]. Жанр произведения Гессе как раз и позволяет ему органично сочетать авторские отступления с основным повествованием, хотя это дается автору не всегда просто, о чем он сам доверительно признается читателю: «Вот я и опять далеко отклонился от темы, но таков уж, видно, удел этих заметок, что, неспособные довести до разрешения ни одной проблемы, они скорее ассоциативно и случайно нанизывают приходящие в голову мысли» [1, с. 162].

В последней главе повести («Оглядываясь назад»), заключительная часть которой печаталась ранее как отдельное эссе «Два голоса мелодии жизни», писатель Гессе формулирует цель своего творчества, опирающегося на принцип биполярности бытия: «...записать на бумаге двухголосность мелодии жизни мне никогда не удастся. И все-таки я буду следовать смутному велению изнутри и снова и снова отваживаться на такие попытки. Это и есть та пружина, что движет мои часы» [8, с. 189].

В «Курортнике» в игровой, иронично-серьезной форме в образе героя-ишиатика, который ищет срединное положение для тела, чтобы облегчить физические и душевные страдания, Гессе изобразил поиск равновесия, единства, гармонии между двумя «мелодиями жизни». Поэтому закономерно, что главу «Уныние» венчает полное искренности авторское резюме: «И автор этих строк действительно не знал, откуда бы ему черпать мужество, право, решимость для своих порицаний и настроений, пессимизмов и психологий, если бы всему этому в душе его постоянно не противостояла вера в единство как в некое нерушимое равновесие» [1, с. 164].

Список литературы

1. Гессе Г. Курортник // Собр. соч. : в 4 т. СПб., 1994. Т. 2.
2. Hesse H. Kurgast // Библиотека зарубежной литературы : [сайт]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=728:-20-&catid=2:deutsch&Itemid=4 (дата обращения: 13.04.2012).
3. Гессе Г. Баденские заметки // Собр. соч. : в 8 т. М. ; Харьков, 1995. Т. 7. С. 285–295.
4. Аверинцев С. Путь Германа Гессе // Гессе Г. Избр. М., 1977. С. 3–26.
5. Сензс Ж., Сензс М. Герман Гессе, или Жизнь Мага. М., 2004.
6. Женетт Ж. Металепсис // Наследие. Искусство. Величие : [сайт]. URL: <http://www.niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/metalepsis.htm> (дата обращения: 11.04.2012).

7. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М., 2005.
8. *Гессе Г.* Два голоса мелодии жизни // Собр. соч.: в 8 т. М. ; Харьков, 1995.
Т. 7. С. 410–411.

Об авторах

Малащенко Владимир Владимирович – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Коццев Иван Демьянович – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

About authors

Dr. Vladimir Malaschenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Prof. Ivan Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru